

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ
ТЮРИН

О ЧЁМ
ВСПОМНИЛ
И РАЗМЫШЛЯЛ

КНИГА ВТОРАЯ

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Михаил Тюрин

**О чём вспомнил и размышлял.
Книга вторая. Военная служба**

«Издательские решения»

Тюрин М. Т.

О чём вспомнил и размышлял. Книга вторая. Военная служба /
М. Т. Тюрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857376-7

Книга вторая «Военная служба» рассказывает о службе в Вооружённых Силах, историю создания и эксплуатации системы ПРО г. Москвы. Книга первая «Края мои родные» рассказывает о недавнем прошлом нашей Родины через призму истории семьи. Это правдивый и честный рассказ о Великой Войне, о жизни и быте в военных гарнизонах в СССР, размышления о Любви и Надежде.

ISBN 978-5-44-857376-7

© Тюрин М. Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Вступая в ряды вооружённых сил...». Гомельское военное радиотехническое	7
Приёмные экзамены. Как мне повезло	9
Первые командиры и начальники	12
О бытовых условиях в училище	13
Хлеб и масло имеют большое значение. А если ещё и немного денег...	15
Непосредственные начальники, друзья и однокашники	17
Немного об училище, учебном процессе и преподавателях	22
О технических дисциплинах и радиолокационных средствах	28
Первая стажировка в войсках	33
Немного о любви и дружбе	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

О чём вспомнил и размышлял Книга вторая. Военная служба

Михаил Тимофеевич Тюрин

Дизайнер обложки Сергей Михайлович Тюрин

Редактор Валерий Михайлович Тюрин

© Михаил Тимофеевич Тюрин, 2018

© Сергей Михайлович Тюрин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-7376-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вся моя взрослая жизнь, начиная со школьной скамьи и до достижения пенсионного возраста, в соответствии с моим желанием и представленными возможностями прошла на службе в Вооружённых Силах нашей страны.

Считается, что судьба военного человека связана с относительно частой сменой гарнизонов и иногда со сменой профиля подготовки. Однако время весьма скоротечно и не так уж много его отпущено каждому из нас на смену мест службы и специализации профессиональной деятельности.

Мне, начавшему службу в 1954 году, на частые переезды жаловаться не приходится, но специализацию приходилось менять неоднократно. По профилю первичной подготовки в военном училище я должен был служить в радиотехнических войсках, однако был назна-

чен в зенитно-ракетные. А затем, уже после академии, мне пришлось осваивать совершенно новую по тем временам технику и большая часть моей службы – более 20 лет – прошла в войсках противоракетной обороны.

В этой книге представлены лишь основные этапы моих более 32 лет нахождения в кадрах Вооружённых Сил.

Глава 1. «Вступая в ряды вооружённых сил...». Гомельское военное радиотехническое училище

Главное – «ввязаться в бой, а бой решит судьба...»

Дорога от Брянска до Гомеля на поезде Москва-Гомель преодолевалась в те годы часов за восемь-десять. Получив у военного коменданта на вокзале информацию о расположении училища и транспортных средствах до него, утром 19 сентября стоял уже перед КПП училища, на котором дежурили очень аккуратно одетые, чистые, подтянутые курсанты, что мне сразу же бросилось в глаза. Преодолев некоторую робость, достал предписание и обратился к дежурному, откровенно выразившему недоумение: «Так приём в училище уже давно закончен». Доложили дежурному по училищу, который, судя по реакции дежурного по КПП, тоже чертыхнулся, но приказал направить меня в Управление училища. Кадровики, выслушав мои объяснения, разобрались и с моими документами, после чего направили в лагерь училища в распоряжение старшего лейтенанта И. Ф. Долинина, исполнявшего в тот момент обязанности командира роты, в которую были сведены все абитуриенты, предназначенные, как потом узнал, для укомплектования второго батальона. Лагерь располагался в сосновом лесу в северо-западном углу огороженной территории училища.

В этот день, да и в последующие то же, мне суждено было неоднократно вызывать недоумённые вопросы – кто, откуда и зачем, почему так поздно? Долинин оказался добродушным и понятливым, вошёл, как говорится, в положение и растолковал мне распорядок дня в лагере, определил в палатку к таким же «гражданским» ребятам и предупредил, что завтра надо будет начинать сдачу вступительных экзаменов. При этом он долго, правда, в полголоса, бубнил не столько для меня, сколько для себя: «А где искать экзаменаторов, ведь в училище сейчас никого нет; ладно, будем утром разбираться».

В то время учебный год в военных училищах начинался с 1 октября, приёмные экзамены проводились в августе, формальности по зачислению (так называемая «мандатная комиссия») проходили в августе-начале сентября. Зачисленные в училище абитуриенты переоблачались хотя и в бывшую в употреблении, но военную форму одежды и всё оставшееся время до занятий занимались ремонтом казарм и казарменной мебели, привлекались к заготовке для училища овощей и разного рода хозяйственным работам.

В палатке ребята меня встретили практически теми же вопросами, на которые я уже отвечал автоматически – за день научился. Они уже давно сдали экзамены, но «мандатную комиссию» не прошли из-за приключившихся болезней и по другим причинам. Парни мне понравились. Общительные, весёлые, под гитару исполняли до сих пор неслыханные мною песни, разделяясь как бы на две группы – городских и из захолустья. Это чувствовалось и по лексике и по употребительности разных выражений, свойственных той и другой группе и характеризующих, в общем-то, образованность ребят. Среди них выделялся один, державшийся «гоголем», прозванный орденосцем за его многочисленные, в два ряда, значки на пиджаке. Даже довоенный осовиахимовский (на короткой цепочке) у него был представлен. Правда, не помню, что «орденосца» зачислили в училище.

Мои домашние припасыгодились как нельзя кстати – сало и лепёшки, хотя и чёрствые, «умолотили» тут же. Молодые, да и голодные. Кормили-то пока по солдатским нормам довольствия. Здесь же в лагере был и ларёк с весьма скудным набором продовольственных товаров (конфеты, пряники, булочки, молочные продукты) и предметами первой необходимости. Первые в моей жизни зубную щётку и порошок приобрёл именно здесь. Но не один я

такой был. Это было не столь наше бескультурье, сколь очень низкий уровень жизни вообще, особенно в сельской местности, откуда большинство из нас и прибыло. С этого «пьедестала» мы и начинали своё продвижение во взрослую жизнь.

Приёмные экзамены. Как мне повезло

Утром второго дня командир роты вручил мне экзаменационный лист и указал дорогу к учебному корпусу, где размещались циклы общеобразовательных предметов. Кстати, хотя я выбивался из общей абитуриентской колеи по причинам, не зависящим от меня, но никто даже не заикнулся о каких-нибудь поблажках в поступлении в училище – всё на общих основаниях. Впрочем, мне и в голову не приходили тогда такие мысли. Был приучен подчиняться обстоятельствам. Как прикажут, так и будет.

Первый экзамен традиционно был по математике. С трудами, но нашёл всё-таки училищного преподавателя основ высшей математики Голуба (имя и отчество, к сожалению, забыл), который принимал экзамены у абитуриентов. Поинтересовавшись причинами столь позднего прибытия в училище, Голуб, как опытный картёжник одним взмахом руки развернул передо мной веером билеты и предложил выбрать любой. «Готовьтесь!» – и стоим оба у доски. Прочитав билет, я тут же: «Товарищ преподаватель! Разрешите отвечать!» – «Но Вы подготовьтесь» – «Я готов» – «Хорошо, отвечайте!». По-видимому, мои ответы на вопросы билета были чёткими и полными, а на дополнительные вопросы отвечал так же уверенно, что Голуб, спросив какую же школу я окончил и, получив ответ, что сельскую, только удивлённо посмотрел на меня, поставил в экзаменационный лист «отлично» и выразил желание помочь мне найти экзаменаторов по физике. Поблагодарив его за такую услугу, так как мне надлежало идти в другой корпус, но теперь имея уже чёткие целеуказания, с его помощью быстро отыскал на втором этаже нужный мне кабинет начальника цикла электротехники полковника Драбкина. В этом кабинете предстал перед двумя уже, на мой взгляд, пожилыми, седенькими и степенными полковниками. Опять те же вопросы: «Откуда, почему, как Вы учились в школе и пр.». Здесь билетов никаких не было, вопросы задавались устно, как бы с электротехническим уклоном: схемы соединения резисторов, конденсаторов, определение параметров таких соединений и много других вопросов по электрической тематике, в том числе попросили написать закон Ома и объяснить смысл входящих в формулу параметров. Ответы мои, судя по выражению лиц и коротким репликам-комментариям, их вполне устроили, и в моём экзаменационном листе появилась ещё одна оценка «отлично».

Мне, по-видимому, положительно везло в этот день. Поставив мне пятёрку, мои экзаменаторы начали опять расспросы о моей жизни, учёбе, причинах позднего прибытия в училище, о родителях и др. И вдруг слышу: «Вам ещё нужно сдать экзамен по русскому языку и литературе. А что, Макаров-Землянский, давайте мы и примем этот экзамен, потому что он никого не найдёт теперь в училище!» Почему Драбкин обратился так к своему сослуживцу, а не по имени-отчеству я, честно говоря, тогда и не задумался. Не понимал ещё многого во взаимоотношениях таких больших для меня начальников. «Вы „Войну и мир“ читали? Тогда расскажите...» и было несколько вопросов и о Пьере Безухове, и о Наташе Ростовской, и о князе Волконском и ещё о чём-то философском. «Всё, спасибо, достаточно. Так как мы с Макаровым-Землянским не специалисты в области литературы и чтобы нас ни в чём не обвинили, мы Вам поставим не „отлично“, а „хорошо“. Этой оценки Вам будет вполне достаточно для поступления», – подвёл итоги полковник Драбкин.

Так эти два полковника практически и решили мою судьбу. Спасибо им говорил все годы моей службы, помню и до сих пор этих благородных людей за их благожелательное участие в положительном решении вопроса о моём поступлении в училище.

Старший лейтенант Долинин выразил удивление небывалым в училище случаем сдачи вступительных экзаменов в один день, да ещё с такими результатами; на его лице даже засветилась, как мне показалось, довольная улыбка. С ним я потом постоянно встречался в ходе

учёбы и даже приезжал к нему уже через год после окончания училища за партийной характеристикой.

Через день или два после экзаменов прошёл и медицинское освидетельствование о пригодности к обучению и службе. Вскоре же состоялась и «мандатная комиссия». Нас на эту комиссию собралось человек шесть или восемь, последних абитуриентов 1954 года. Инструктаж, всякие наставления как докладывать начальнику училища, как отвечать на вопросы привели меня в состояние мандража. До этого времени мне не приходилось видеть генерала, тем более решающего мою судьбу. Зашёл, помню, ровно по ковровой дорожке, выпалил, что я такой-то прибыл на мандатную комиссию, но, честное слово, в глазах всё рябило и генерала, сидевшего в центре стола и полковников, подполковников рядом с ним я и не разглядел с перепугу. Тем не менее, после моих ответов на заданные вопросы услышал «зачислить», а после разрешения выйти, сменяя дорожку своими тесными ботинками, как-то повернулся кругом и неровным шагом оказался в коридоре. Начальника училища генерала Грибакина я хорошо рассмотрел вблизи уже значительно позднее и не с такой боязнью, как на «мандатной комиссии».

Переодели меня в тот же день. Больше всего радовался кирзовым сапогам, избавившим меня от тесных ботинок. А раз переодели, то «пора на работу». Дали мне кисти, банки с краской и начал я впервые в своей жизни осваивать малярное дело – красить в соответствии с заданием двери, табуретки и, конечно же, свои штаны и гимнастёрку (без задания). Хорошо ещё, что моя малярная эпопея продолжалась всего несколько дней, а то бы и ещё что-нибудь себе покрасил. Без навыка в этом деле остаться «незапятнанным» весьма сложно.

Приближалось 1 октября, и нужно было переодеться в совершенно новое обмундирование и обувь, разместиться в казарме, получить имущество, полагающееся курсанту для учёбы и жизни, ознакомиться с распорядком дня, расположением учебных корпусов и т. д. Столовую, конечно же, мы уже и так знали.

Октябрь 1954 года. Моя первая «военная» фотография

В самом начале октября написал письмо полковнику В. С. Тадеушу – начальнику политотдела Брянского облвоенкомата, о зачислении меня курсантом 1-го взвода 6-й роты 2-го бата-

льона, с выражением искренней благодарности за оказанное содействие в поступлении в военное училище.

Вот так и стал я курсантом среднего военного училища, а не высшего, куда изначально планировался в военкомате. Из Гомеля (Ново-Белица) высшее училище переехало в Минск, а так как в своём письме Министру Обороны я упоминал о Гомельском училище, то, по-видимому, там и не стали себя утруждать направлением в Минское училище, а может быть посчитали, что и среднего училища для меня будет достаточно. Честно признаюсь, что став курсантом, старался забыть нанесённые мне обиды и был очень доволен продолжением учёбы вообще, а освоением радиолокационной техники – особенно. К сожалению, уже проходя службу в войсках, испытывал недостаток в полученных в училище знаниях, и жаль было частично потерянного времени. А самоподготовкой при очень напряжённой службе компенсировать утраченные возможности получения знаний не всегда удаётся. Да и формальная сторона – отсутствие диплома о высшем образовании – естественно, тормозило продвижение по службе. Что ж, так получилось. Такова судьба! И с этим в жизни приходится, к сожалению, считаться.

Первые командиры и начальники

Моим первым командиром взвода был лейтенант Аркадий Иванович Зубарев, окончивший с отличием наше же училище лишь год назад. Тактичный, деликатный, в меру строгий, всегда опрятно одетый, умеющий без назидания втолковать, что можно и что нельзя делать в армии. Нами он командовал два первых курса, до своего поступления на учёбу в Харьковскую академию. В 1961 году я снова встретился с ним, когда уже сам поступал в Академию. К этому времени он после окончания с золотой медалью Академии оканчивал и адъюнктуру. Потом успешно защитился и работал преподавателем там же, где мы с ним с удовольствием и встречались до конца 80-х годов во время моих служебных приездов в нашу альма-матер.

Командиром нашей 6-й роты был майор В. Б. Матвиенко, уже пожилой, участник войны, сухошавый, стройный, требовательный, говоривший с каким-то акцентом – «пиль», «миши» вместо привычных нам «пыль», «мыши». Остался в памяти сравнительно демократичным командиром, но очень твёрдым и последовательным в исполнении курсантами поставленных им задач.

Командиром 2-го батальона курсантов был подполковник Капустин, круглолицый, розовощёкий, всегда очень опрятно одетый, стройный, хотя уже и начинавший полнеть, разговаривавший спокойно, без повышения голоса и вообще производивший приятное внешнее впечатление.

Старшим адъютантом (начальником штаба) батальона был майор Лазарев, с рыжеватыми волосами, стройный, подтянутый, чистый, со звонким голосом, строевик как будто по рождению и по призванию. Как он мог «чисто выровнять носочки» при построении батальона! В строевом отношении для меня он был идеалом офицера и, по-видимому, это влияние в совокупности с моим стремлением походить на него в выправке послужило потом основанием для командиров объявить меня лучшим строевиком роты.

Заместителем командира батальона по политчасти был подполковник Никитин, невысокого роста, толстенький, постоянно испытывающий трудности с носовым дыханием, а потому говоривший часто не очень разборчиво, с каким-то прононсом. Политинформации, которые он проводил у нас, были какие-то серенькие, состоящие из проверенных дежурных фраз.

С командованием батальона встречались чаще всего на общих построениях, собраниях, политинформациях. Постоянно нас опекали командир роты и командир взвода. На командира взвода помимо его уставных обязанностей возлагались и другие, в частности, проведение занятий по строевой подготовке, изучению уставов, лыжной подготовке и др. Командир роты занимался обустройством курсантского быта, обеспечением курсантов положенным довольствием, да и многими другими вопросами обеспечения нормальной учёбы и службы подчинённых.

Важнейшей задачей наших командиров являлось воспитание у курсантов понимания необходимости неукоснительного соблюдения утверждённого распорядка дня, порядка и правил, установленных воинскими уставами, приказами командиров и начальников. Не могу сказать, что этот процесс шёл безболезненно как с одной, так и с другой стороны. Но что мне запомнилось, так это отсутствие чрезмерных строгостей со стороны командиров в насаждении законов воинской организации. Может, в этом и не было особой нужды, так как курсанты сами, как добровольно взвалившие на себя груз военной службы, были заинтересованы в соблюдении установленного в соответствии с воинскими уставами порядка и основное время отдавали учёбе.

Но то, что всякое отступление от принятых законов, послабления в их исполнении, а тем более пренебрежение ими, приводит, мягко выражаясь, к неэффективному расходованию сил и средств, убеждался не раз, даже в стенах училища.

О бытовых условиях в училище

Рота наша численностью около 100 человек занимала половину первого этажа трёхэтажного двухподъездного здания. Во всём этом здании размещался 1-й и 2-й батальоны (всего 6 рот) училища. 3-й и 4-й батальоны примерно такой же численности размещались в другом здании, метрах в трёхстах от нашего. Внутреннее убранство казармы было спартанским – двухъярусные металлические койки на асфальтовом полу, прикроватные тумбочки (тоже в два яруса) и табуретки по числу квартирующих, взводные вешалки для верхней одежды (шинелей), взводные пирамиды с личным оружием, ленинская комната для проведения собраний, политинформаций и отдыха в личное время, умывальник только с холодной водой, кладовая (каптёрка) с личными вещами курсантов и всё. Никаких прикроватных ковриков и тапочек не полагалось. Туалет типа «сортир», один на всё здание, находился метрах в сорока среди деревьев. Централизованного отопления не было. Тепло должно было обеспечиваться двумя голландками, топившимися дровами и углём. Обязанность по топке печей возлагалась на дневальных суточного наряда. Тепла от этих печей практически не ощущалось, в казарме всегда была «здоровая» температура, поэтому иногда в очень холодные ночи старшина роты разрешал укрываться шинелями.

Наша ротная аллея

Июнь 1955 года, первый курс, часть нашего отделения. В первом ряду (слева направо) – Э. Кузнецов, Г. Мельников; во втором ряду – В. Авдеев, В. Зебницкий, М. Тюрин, А. Дядюнов

Изучаю «новости». Основной газетой для нас в те годы была, конечно же, «Красная Звезда», хотя в обязательном порядке также читали «Правду». Иногда просматривал и газету Белорусского военного округа, но название её в памяти не сохранилось

Всё тёплое время года, начиная с мая и до убытия на стажировку или в отпуск, мы жили в лагере на территории училища. Лагерь был практически стационарным. В каждой палатке размещалось, как правило, отделение (10—12 человек). Условия были достаточно комфортные: койки с комплектом белья, прикроватные тумбочки, пол внутри палатки был асфальтированный, умывальник – один на весь лагерь, а прочие удобства – за пределами «жилой» территории. Для молодых растущих организмов условия прекрасные. Не помню, чтобы кто-то жаловался здесь на недомогание. На зиму палатки разбирались, укладывались в штабеля. Весь зимний период территория лагеря постоянно охранялась (пост №5).

Помывка в бане со сменой нательного и постельного белья производилась еженедельно. Портянки менялись тоже только один раз в неделю, что при отсутствии условий для ежедневного мытья ног (даже полотенца для этих целей не предусматривалось), особенно в жаркое время года, приводило к повсеместному распространению грибковых заболеваний. В лагере в летнее время была возможность обмывать ноги холодной водой, а затем смазать их йодом из стоявшей около умывальника бадейки, но из-за отсутствия второй смены портянок, позволившей бы выстирать первые и высушить, приходилось опять надевать те же пропитанные потом и грибами, что только усугубляло заражение. На носки требовались большие деньги, да и ношение их официально не позволялось. А обувь? Сапоги, сначала три года кирзовые, затем хромовые были практически единственной официальной обувью ещё долгое время моей службы.

Несколько разнообразило наш быт пребывание в лагере училища, на просторе, с обилием свежего воздуха, безо всяких излишеств. А подъём и отбой по звукам трубы лагерного сигналиста добавлял даже некоторой пионерской романтики.

Хлеб и масло имеют большое значение. А если ещё и немного денег...

С 1 октября, с началом учебного года, мы, первокурсники были переведены на курсантское довольствие. Курсантский паёк не только для меня, но и для значительной части ребят, был выше всяких ожиданий. Разве мог я до этого мечтать о регулярном трёхразовом питании, не только с чёрным, но и белым хлебом со сливочным маслом, сахаром к тому же, а в обед, чтобы помимо первого и второго блюд был ещё компот или кисель. Ужин отличался от обеда, конечно, объёмом блюд, но, честное слово, такого насыщенного винегрета с куском жирной, хотя и очень солёной, селёдки встретишь и теперь не часто. В рационе преобладали большей частью каши, картошка, рыба. По моим понятиям и мяса было вполне прилично. Всё это многообразие очень быстро поглощалось за артельными (на 10—12 человек) столами. Приём пищи за такими большими столами вызывал, с одной стороны, ажиотажный аппетит, а с другой – ни в коей мере не способствовал воспитанию у курсантов правил приличия в поведении за столом, иногда порождал всякого рода конфликты из-за размеров доставшегося куска хлеба или содержимого миски (у нас тарелок не было). Центральной фигурой за столом был обладатель, так называемого, «разводящего» – черпака, назначаемый из наиболее «честных» курсантов. Варёная пища подавалась на столы в бачках и раскладка пищи производилась прямо за столом; уравнивать всех по количеству и качеству содержимого было весьма трудно, каким бы умелым и честным ни был «руководитель» черпака – «своя рука-владыка». Будучи стеснительным от рождения и по воспитанию, мне всегда было противно смотреть на ребят, старавшихся схватить для себя кусок хлеба или масла побольше. Рвачество за столом перерождалось потом в поведенческий принцип «хапанья» материальных ценностей для себя и своих присных. При этом подобные субъекты часто и кичились таким «умением» устроиться в жизни. Это вывод из моих более поздних наблюдений. Ну а артельные столы, к сожалению, вносили свою негативную лепту в формирование морального облика будущего офицера.

Без всякого сомнения, нормы довольствия для курсантов были вполне достаточными для того, чтобы не только компенсировать расходы энергии на большую физическую нагрузку, но и обеспечивать рост молодого организма. Я, например, к концу первого курса поправился аж на восемь килограммов. Такой же «прирост» получили и многие другие курсанты. И это в тех условиях, когда часть мясных и рыбных продуктов разворовывалась поварами и другими работниками, имеющими отношение к столовой. Будучи, уже на третьем курсе, дежурным по столовой соприкоснулся с этой реальной действительностью воочию. Но это я такой «бдительный», а сколько дежурных несут службу, не замечая всяких ухищрений расхитителей. Думаю, что немало.

Однако должен сознаться, что не единой столовой мы жили. В меру своих финансовых возможностей посещали и буфет, находившийся в клубе училища. Стандартным набором для нас была сайка или половина батона с бутылкой кефира или молока. В те годы продукты были натуральными, а потому вкусными и питательными. Но на посещение буфета каждый день нашего денежного довольствия не хватало. На первом курсе мы получали по 75 рублей в месяц, на втором – 100 рублей, на третьем – 150 рублей. Сержанты получали на 25 рублей больше. Из этих сумм приобретались туалетные принадлежности, сапожный крем, белый материал на подворотнички, канцелярские принадлежности и другие необходимые для жизни вещи. Походы в увольнение также требовали определённых расходов. У меня никаких поступлений больше не было, тем не менее, я умудрялся, хотя и редко, посылать любимой девушке Татьяне небольшие подарочки (книгу, косынку и т.п.). Правда, был у меня один раз доход в 50 рублей в качестве гонорара за заметку, написанную в областную газету. Эти деньги с друзьями оставил в буфете – была коллективная радость. Жаль, но только однажды.

На первом и втором курсах распорядком дня предусматривался так называемый «мёртвый час» – 40-минутный послеобеденный отдых в постели, что способствовало укреплению здоровья и обеспечению активного образа жизни. На третьем курсе такая «детская» поправка была отменена.

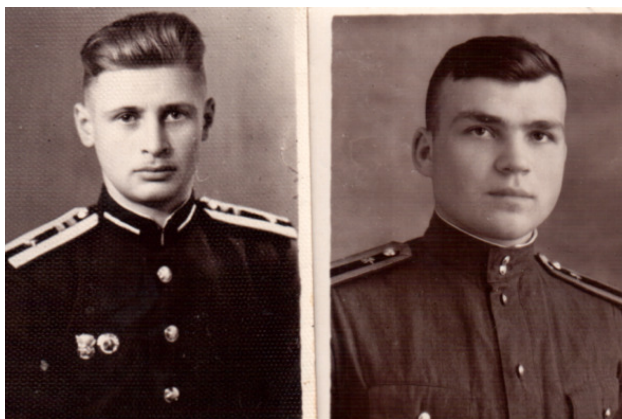
Культурные мероприятия включали не только просмотр кинофильмов в воскресный день (единственный в те годы выходной, когда распорядком предусматривался подъём на час позже), но и целый ряд других мероприятий.

Непосредственные начальники, друзья и однокашники

Старшиной нашей роты был старшина сверхсрочной службы Анатолий Леонтьевич Цыба, поступивший в училище после четырёх лет службы в войсках. Требовательный, с поставленным командирским голосом, по произношению команд почти копировавший командира роты. Учиться ему было труднее, чем нам, только что окончившим школу. Но Толя упорно занимался, окончил училище, женился на училищной преподавательнице немецкого языка и снова пошёл служить в войска. Нормальный был мужик, зря не ругался. Потому и остался в памяти.

Кстати, было у нас в роте ещё несколько человек, прослуживших в войсках по одному, два года и решивших связать свою жизнь с кадровой службой в Вооружённых силах. Среди них запомнился младший сержант Башуров, небольшого роста, отличный лыжник, приятный в общении человек.

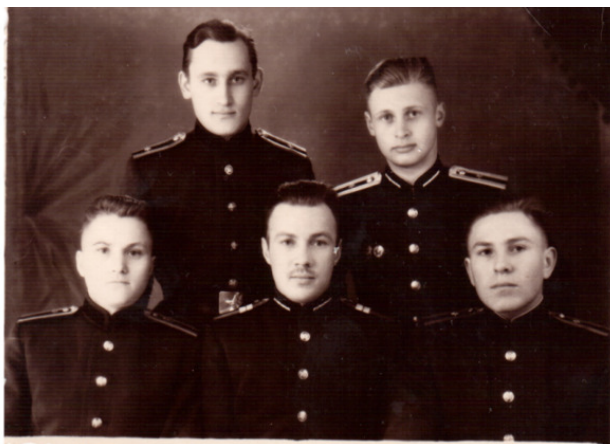
Командиром отделения у меня стал младший сержант Эдуард Кузнецов, а заместителем командира взвода – сержант Георгий Монченко. С Эдиком у нас с первых дней ещё палаточной жизни установились дружеские отношения, продолжавшиеся и после окончания училища вплоть до моего поступления в академию. Был он родом из Ленинграда, небольшого роста, плотного спортивного телосложения, подвижный, общительный, любивший шутку, развитый, как многие в те годы питерцы – так они себя называли. Отца у него тоже не было. Мать Ванда Карловна Бржезовская жила в Ленинграде, занимая одну комнатку в коммунальной квартире. Иногда в пылу дружеских споров называл Эдика «шляхтичем», на что он обижался, правда, ненадолго. Мать его часто баловала посылками с разными питерскими деликатесами и не было ни одного случая, чтобы вскрытие и «дегустация» содержимого посылки происходили без меня. В частности, и средством от потливости ног для уменьшения грибковых проявлений обеспечивала нас его мама. Всем, что у нас было, старались делиться по-честному между собой.

На снимке слева Э. Кузнецов, справа – В. Пашковский

На третьем курсе наш взвод перевели в 5-ю выпускную роту. Эдик был назначен заместителем командира взвода, я – командиром отделения, а Жора Монченко – старшиной роты. Жора был из Брянска (родители жили в частном доме недалеко от центра города), был женат, имел уже дочку. Жена его жила вместе со своими родителями тоже в частном доме в Брянске-2. Познакомился он со своей Машей в Брянском аэроклубе, где они совершили по несколько десятков прыжков с парашютом. Жора увлечённо занимался радиолобительством и уже на третьем курсе соорудил двухдиапазонный радиоприёмник. Старший брат его

Николай работал водителем в обкоме партии, на ЗИМе возил первого секретаря. Я бы Колю и не знал, если бы не один совсем нерядовой случай, когда он с разрешения своего важного начальника встретил нас на вокзале Брянск-2, приехавших в свой первый отпуск. В те годы на автомобилях первых лиц области не было ни «мигалок», ни «крякалок», как это принято в наше время. На крыше ЗИМа ближе к лобовому стеклу был маленький фонарик белого света и всё, больше ничего кроме номеров не было. И вот, усевшись вдвоём с Жорой на заднее сиденье, Коля повёз нас в дом родителей. Проезжая перекрёстки мы видели, как милиционеры брали «под козырёк», поднимали жезл, пропуская нашу машину. Нас это так забавляло, что мы хоть и «ржали» над собой и служивыми снаружи, но невольно приподнимали свои «важные» головы в военных фуражках, приближая их к окнам – кто там снаружи рассмотрит пассажиров внутри автомобиля. Важными мы себя может и не почувствовали, но трепет перед машиной с маячком и обкомовскими номерами увидели воочию. Вот как бывает.

1954 год. Первокурсники. В первом ряду слева направо: Л. Корбан, А. Башуров, М. Тюрин, во втором ряду: В. Гулаков, Э. Кузнецов

И теперь немного о «контингенте» будущих офицеров на примере нашей роты. Ребята приехали из многих областей Европейской части Советского Союза: из Волгограда В. Штоков и В. Перов, из Гусь-Хрустального – Ю. Бугров, из Брянской области – Г. Монченко, В. Пашковский, В. Зебницкий, В. Марченков, из Москвы – А. Дядюнов, Ю. Лизунов, из Рязанской области – П. Осенёв, И. Червяков, из Ленинграда – В. Гулаков, Э. Кузнецов, из солнечной Армении (из самого Еревана) – Л. Порошин. Но больше всего было ребят из белорусских деревень: Л. Корбан, Ф. Довнер, И. Шукан, А. Шренк и другие, многие из которых паровоз увидели впервые, когда ехали поступать в училище, а об электричестве понятия у них были примитивные, книжные. Конечно, я называю здесь только некоторые, наиболее запомнившиеся фамилии.

Среди курсантов были и парни из сравнительно обеспеченных семей. У Вовки Гулакова и Алика Дядюнова отцы были майорами, а у Генриха Кунцмана отец был начальником управления торговли (по словам Генриха) всего Ленинграда или Ленинградской области (запомнил). Генрих был весьма неопрятным, с многочисленными крупными гнойными прыщами на лице и шее, зимой никогда не умывающимся из-за отсутствия тёплой воды, издающим очень неприятный специфический запах. Но зато у Генриха всегда были не только ленинградские конфеты, но и папиросы «Беломорканал» табачной фабрики имени Урицкого, очень в те годы популярные. Если мне не изменяет память, Генрих не выдержал «тягот и лишений» и был отчислен из училища. Был и ещё один легальный «иерусалимский казак» из Питера, некто Штокман, запомнившийся своей молчаливостью и ещё более сильным, чем у Кунцмана отталкивающим специфическим запахом тела.

Уникумом в нашем взводе был, конечно, Лёня Порошин. Родного отца у него не было, был отчим, а мать занимала очень высокий пост в министерстве финансов Армянской ССР. По каким-то соображениям, может быть для того, чтобы не мешал дома, они и определили Лёню в училище. Это был очень начитанный и грамотный парень, любивший и умевший довольно аргументированно разглагольствовать на любую тему, да так, что часто хотелось просто заткнуть ему рот или, по крайней мере, себе уши, чтобы не слышать этот непрерывно изливающийся, словно слюна, словесный поток. Учиться в училище он не хотел, военным стать не стремился, соблюдать воинские требования было для него сущим мучением. Лыжная подготовка в училище была обязательной, помимо плановых занятий, зимой почти каждое воскресенье устраивались гонки на 10 километров. Для южного человека, впервые увидевшего настоящий снег и лыжи в Гомеле, было, конечно, трудно пройти эти километры. Если Порошина ставили на лыжню, то весь взвод шёл и впереди и сзади, чтобы Лёня не потерялся. При полном нежелании Лёни двигаться на эту «увеселительную» прогулку уходило по три-четыре часа. Нам это было нужно? Дабы не ходить на занятия, а попасть в лазарет, Лёня среди ночи, как приведение, в одном нижнем белье и босиком, шёл на улицу и ложился где-нибудь за кустами на мокрую землю или на снег. Но, честное слово, ему редко удавалось простудиться и заболеть. Тогда он избирал тактику не отвечать на занятиях, демонстрируя, таким образом, своё полное безразличие к учёбе. В конце концов его на втором курсе отчислили из училища и направили в войска дослуживать до положенных в те годы трёх лет. По дошедшей до нас информации, тоже не выдержав «тягот и лишений», Лёня покончил с собой.

У нас, простых крестьянских и рабочих парней, возникал тогда неоднократно законный вопрос о целесообразности иметь среди офицеров Советской Армии такой балласт. К сожалению, среди курсантов была некоторая часть парней не только необразованных и «некультурных» из-за социальных условий, в которых они росли, но и откровенно, или, чаще всего, скрытно, вынашивающих свои приспособленческие понятия и устремления на будущую офицерскую службу и строивших в соответствии с этим свои отношения с однокурсниками. Был у нас в роте некто Лёвичев откуда-то с Северного Кавказа, сам по себе здоровый, губошлёпый, с презрительным выражением лица, трусливый и туповатый, но с явными бандитскими наклонностями к рукоприкладству. Был и Юра Швецов до хрипоты утверждавший, что правильно писать и говорить «бджёлы» вместо пчёлы как у них принято в ауле. Был и простоватый на вид, но иезуитски хитрый Илюша Шукан из белорусских лесов, были Ваня Червяков – необыкновенно скрытный, державшийся всегда особняком – никто и никогда не знал, куда он ходит в увольнение, с кем встречается, в отличие от большинства ребят, делившихся между собой всякой житейской информацией. Были, к великому сожалению, и просто мелкие воришки, тянувшие среди ночи у своих же однокурсников денежки из карманов. В этом плане запомнилась расправа над таким щипачём во 2-м взводе нашей роты. Фамилию этого негодяя, конечно, забыл, но помню подробности «воспитательного» процесса, проведенного заместителем командира взвода Борисом Виниченко, с которым у меня были довольно хорошие отношения. Высокий, стройный, развитый физически и интеллектуально, выпускник Суворовского училища, своим видом, решительным и обстоятельным поведением вызывал только уважение. После событий, описываемых здесь, я его зауважал ещё больше. Когда было однозначно установлено лицо воришки (поймали с поличным), Боря по команде никому докладывать не стал, а в один из вечеров, приведя взвод в учебный корпус на самоподготовку (наши классы для самоподготовки находились рядом), стал у двери, выключил свет и скомандовал «начинай». Курсанты потрудились «от души» и когда послышались глухие стоны, Боря включил свет, послал двух подчинённых за носилками, на которых и оттащили негодяя в лазарет. На следующий день Бориса разжаловали из сержантов, выговорили по комсомольской линии, но оставили в училище, а этого воришку после излечения дней через десять отчислили и отправили служить солдатом. Думаю, что командование и батальона и училища, несмотря на про-

явление самосуда, поступило совершенно правильно; по крайней мере, мы, курсанты, были в этом убеждены.

Большинство курсантов всё-таки стремилось развивать в себе высокие нравственные и культурные ценности, видя в офицере образец чистоты, порядочности, аккуратности и образованности и, в конце концов, человека «честь имеющего». Поэтому всякие Лёвичевы, Шуканы, Червяковы и им подобные не вызывали в курсантской среде никакого уважения, а чаще всего – отчуждение, а иногда даже и презрение. К сожалению, не в силах курсантов было проводить чистку своих рядов, дабы не допустить к офицерской службе в войсках больших и малых негодяев, хитрецов, приспособленцев, дабы не плодить продажных Плигускиных и ему подобных.

По моим наблюдениям тяга к знаниям, искусству, приобретению навыков и правил поведения в образованном обществе превалировала у большинства курсантов над всеми другими сторонами жизни. Большой популярностью пользовались факультативные занятия, организованные по просьбе курсантов-выпускников, проводившиеся работником политотдела училища майором Ходановичем по вопросам семьи, организации быта, умению вести себя за столом (переводя на житейский язык – как пользоваться ножом, вилок, ложкой, тарелкой и т.д.), в коллективе, умению устанавливать деловые отношения, вести себя с подчинёнными и начальниками, то есть по тем вопросам, которые объединяются общим понятием «хорошего тона». Помню, как обсуждался вопрос о правильном выборе себе спутницы жизни. Может быть, у кого-то сейчас такая постановка вопроса вызовет саркастическую улыбку, но для выпускников Гомельского училища «правильный» выбор жены имел огромное значение. Понятие правильности растолковал нам, выпускникам, наш ротный командир Альберт Александрович Агафонов: «Жена должна быть на улице барыней, в доме хозяйкой, а в постели – б...ю. И не дай бог, если произойдёт сдвиг по фазе».

Вопрос создания семьи был актуален ещё и потому, что молодые лейтенанты назначались в радиолокационные подразделения, располагавшиеся в 100—150 км от штабов батальонов, полков, бригад, а, следовательно, и от цивилизации. Жить в лесной или степной глуши без театров, клубов, телевизоров (они только начали появляться), даже без магазинов с предметами первой необходимости, да и к тому же в примитивных бытовых условиях, видя ежедневно одних и тех же 25—30 человек солдат и офицеров, смогла бы не всякая девушка, тем более вкусившая «прелестей» городской жизни. А информацией о нашей предстоящей службе мы располагали достаточной.

Наше первое увольнение в город. Курс молодого бойца, продолжавшийся три месяца, пройден, и мы получили возможность посещать городские достопримечательности. Но смотреть было нечего – город ещё не восстановился после войны, что видно на снимке. Ну а мы, естественно радовались появившейся относительной свободе, что и демонстрируют наши

питерцы Гулаков и Кузнецов, распахнув шинели. Я же (на снимке слева) и Лёня Корбан продолжаем соблюдать, как учили, форму одежды. Мы скромные сельские ребята – таких вольностей позволить себе пока не могли

«Мы люди искусства, а вы солдафоны, ничего не понимаете в прекрасном...», – так одному из наших курсантов заявили студентки Гомельского культпросветучилища. Эта уничижительная оценка нашего стремления вырасти культурными, образованными и порядочными людьми около года периодически всплывала в наших курсантских коллективах и вызывала крайне отрицательную реакцию к этим, так называемым «людям искусства». С ними нам явно было не по пути.

Тем не менее, нас не пугали предстоящие «тяготы и лишения». Я даже посещал одно время кружок балльных танцев. Правда, танцор из меня не получился, но все эти падекатры, падеспани, падеграсы и др. знакомые мне ещё по танцулькам в нашем селе, запомнил и, как видно, надолго.

В училище приветствовалось посещение курсантами областного театра, городских кино-театров, всевозможных выставок (к сожалению, редких). В клубе училища иногда бывали гастролирующие по округе представители эстрадного жанра, всякие жонглёры-гипнотизёры. Правда, заметных личностей было мало. Питерские ребята однажды уговорили (на втором курсе) поехать на концерт их молодой знаменитости Эдиты Пьехи, так что хоть что-то осталось в памяти. А так была одна серость, не оставившая заметного следа.

Первый раз, надо же было тому случиться ещё на первом курсе, я оказался в театре на постановке балета «Лебединое озеро». Первый раз в жизни зрел действие, понятия о котором ни в теории, ни на практике не имел. Это приобщение к балету надолго оттолкнуло меня от этого вида искусства. Выступавшая Ленинградская труппа (не могу судить об их профессионализме) прыгала и бегала по сцене под аккомпанемент магнитофона или пластинки и меня это так качало, что я легонько и всхрапнул. Спасибо друзьям, разбудили. Так что от первого в моей жизни посещения театра и балета остались в памяти больше удобные кресла с красной обивкой, чем порхающие маленькие лебеди.

Художественная самодеятельность (ротная, батальонная, училищная) всегда была желанной, так как среди исполнителей были курсанты, имевшие музыкальное, даже цирковое образование, хорошие вокальные данные, умевшие прекрасно держаться на сцене при изображении той или иной зарисовки. Училищные библиотеки художественной и технической литературы всегда были заполнены курсантами, конечно, большей частью в выходной день – воскресенье. Все, кто хотел получить помимо учебной программы дополнительные знания, находили к тому возможности. Я в том числе.

Немного об училище, учебном процессе и преподавателях

Гомельское радиотехническое училище воздушного наблюдения, оповещения и связи Войск Противовоздушной обороны страны (ГРТУ ВНОС войск ПВО) готовило специалистов по радиолокационному оборудованию, радиотехнической разведке, радиоэлектронной борьбе, средствам связи и по некоторым радиотехническим вопросам специального назначения. В соответствии с утверждённой специализацией подготовки весь курсантский состав был сведен в четыре батальона по три роты в каждом (по годам обучения). Обеспечение учебного процесса и хозяйственной деятельности возлагалось на батальон обеспечения с соответствующей техникой и оснасткой, тыловые подразделения и службы.

Размещалось училище на западной окраине города, в районе, называемом Лещинец, сразу же за домами частного сектора. В 1958 году, будучи в отпуске, я посетил училище, которое уже готовилось к переезду в город Красноярск. Переезд состоялся в следующем году с преобразованием училища в высшее.

С южной стороны училище выходило на мошёное булыжником шоссе Гомель-Речица, нашу «любимую» трассу по десятикилометровым марш-броскам с полной выкладкой в любую погоду и практически в течение всего срока обучения.

Марш-бросок

На снимке запечатлён момент, когда наш взвод уже «вбежал» на территорию училища. В этом виде обучения я никогда не был первым – вот и здесь прочно обосновался в центре толпы. Строй, как правило, сохранялся лишь первые километры пути.

Машин на шоссе было очень мало, так что мы друг другу помешать не могли, но начертыхались вдоволь на частых выбоинах на всю оставшуюся жизнь – при нас шоссе ни разу не ремонтировалось. Марш-броски проводились, как правило, сразу же после подъёма, чтобы успеть к завтраку, чаще всего повзводно во главе с командиром взвода и реже – поротно во главе с командиром роты. Так что командиры ротного звена поддерживали постоянно свою физическую форму – при регулярных таких пробежках не располнеешь.

Наш взвод в спортивном зале училища. Я в первом ряду второй слева, первый – Э. Кузнецов

Через южный же КПП вела дорога на реку Сож, где училище располагало учебно-материальной базой для проведения занятий на воде, кроссовой подготовки и где была оборудована примитивная пристань для барж, гружёных дровами. На разгрузке барж мы тоже «крепим» физически, по крайней мере, так думали. Сооружённая в небольшом заливчике вышка позволяла совершать прыжки в воду с одно-, трёх- и пятиметровой высоты. Что касается меня, то с трёхметровой вышки прыгал только «солдатиком» и, честно говоря, прыгать вниз головой боялся. Да и не один я был такой «боягуз». А вот с метровой высоты прыгали в воду в одежде и полном снаряжении (скатка через плечо, карабин в руках). Эта «купель» памятна и до сих пор и невольно вспоминаются слова А. Т. Твардовского как «люди тёплые, живые все на дно, на дно, на дно...». Те, кто проходил это испытание, знают, что выплыть, будучи отягчённым одеждой и оружием, дано не каждому.

Сушим сапоги, портянки и остальную одежду после очередной плановой «купели». На первом плане слева направо: я (в пилотке), далее Г. Мельников, В. Клинцов, И. Шукан, В. Зебницкий

Физической подготовке курсантов уделялось очень большое внимание. Помимо узаконенной распорядком дня утренней физической зарядки, расписанием предусматривались занятия гимнастикой на известных всем снарядах (конь, козёл, брусья, перекладина, кольца, канат), по преодолению полосы препятствий, по лыжной и кроссовой подготовке в дополнение к тем марш-броскам и воскресным лыжным гонкам, которые планировались в роте и бата-

льоне. Преподавателями физической подготовки и спорта были братья-близнецы Титаренко, фанаты своего дела, требовательные до беспощадности, гонявшие нас на полосе препятствий до седьмого пота, пока не выполнишь норматив, а по кроссовой подготовке – пока не получишь 3-й спортивный разряд по бегу на дистанцию 3 километра.

Для постоянного поддержания себя в хорошей физической форме, отработки гимнастических упражнений в казарме были установлены брусья, перекладина, имелись гири, которыми мы и пользовались при каждой возможности. И ведь всё это было не по приказанию, а по личному стремлению практически каждого курсанта. Все хотели быть стройными, сильными и красивыми. Типичной картиной в казарме перед отбоем являлся скрип кроватных сеток и периодическое поднимание-опускание ног – «качали» брюшной пресс. К сожалению, из-за отсутствия должной страховки при самостоятельных занятиях гимнастикой в казарме нередко были случаи падения со снарядов и получения травм. Не избежал этой участи и я, сорвавшись однажды с брусьев. Последствия этого падения всплыли много лет спустя. И, тем не менее, весь комплекс проводимых мероприятий позволил обрести хорошие физическую форму и почувствовать себя в этом плане настоящим мужчиной. Отмечу, что внедрённые в те годы комплексы утренней физической зарядки были весьма продуманы и, я бы сказал, высоконаучны, ибо в современных методах оздоровления, например, в дыхательной гимнастике по Стрельниковой, используются практически те же упражнения. Так что и в те годы спортивная медицина, в том числе и военная, базировалась на прочной физиологической основе.

Если занятия по физической подготовке проводились в течение всех трёх лет пребывания в училище, то по другим предметам обучения – по мере, так сказать, их «подхода» в соответствии с узаконенной логикой учебного процесса.

Общеобразовательные предметы – основы высшей математики, иностранный язык, техническое черчение, физические основы электротехники и радиотехники, основы материаловедения и монтажных работ и др. начинались с первых дней учёбы, чтобы подготовить базу для изучения профилирующих дисциплин: материальной части РЛС и средств связи, организации эксплуатации и ремонта боевой техники, основ ведения боевой работы.

В соответствии с действующими в то время установками в подготовке офицеров много времени отводилось изучению истории КПСС и строевой подготовке. По этим предметам предусматривались государственные экзамены. Кроме того, в нашу бытность, хотя и были отменены занятия по отработке приёмов владения холодным оружием, дежурный по училищу и его помощник вооружались не только пистолетом, но и саблей. Забавно было смотреть при разводе суточного наряда и караула как берутся «шашки подвысь».

Историю КПСС пришлось опять изучать и в академии – это было воистину потерянное время, которое можно было с пользой для дела израсходовать на углубление знаний по профилирующим инженерным дисциплинам. Вот что такое идеология!

Среди преподавателей в училище было много офицеров, принимавших непосредственное участие в боевых действиях в ходе прошедшей войны, которые и наложили определённый отпечаток на манеру поведения и методику проведения занятий. Очень колоритной фигурой, я бы даже сказал, жесткой, был начальник химической службы училища подполковник Батрак (к сожалению, в памяти не сохранились имена и отчества преподавателей, так как обращались к ним в соответствии с уставом только по званию). Его жесткость никоим образом не отождествляется с самодурством или с чем-то похожим. Она была продиктована жесточайшей необходимостью научить будущих офицеров выживать самим и сохранять подчинённых в условиях применения противником химического, радиологического и биологического оружия (оружия массового поражения). О биологическом оружии сообщались лишь теоретические знания по признакам применения и заражения, обязанности же по выявлению источников и очагов заражения, штаммов и пр. возлагались на медицинские службы.

Что же касается действий при применении противником ядерного оружия или радиоактивных веществ, то вся наука выживания сводилась в то время к тому, чтобы уметь обнаруживать сам факт заражения, вовремя одеть средства защиты и укрыть личный состав, с помощью имеющихся в войсках радиометров и дозиметров определить границы заражённого участка по степени заражения, уметь выбрать маршрут и скорость движения для получения минимальных доз облучения. Последнее было очень актуально, так как вся радиолокационная техника размещалась на автомобилях повышенной проходимости и предполагалось в случае превышения на месте дислокации допустимых уровней заражения осуществлять переезд на запасные позиции. Это всё, конечно, в «теории», а на практике мы проливали пот при одевании средств защиты – противогазов и безразмерных, а потому и не очень удобных, плащ-накидок и появившихся потом защитных костюмов.

А вот тренировки на выживание в условиях заражения отравляющими веществами носили даже очень практический, я бы сказал, материальный характер. В большой землянке с двумя выходами и маленькими окошками расплылся хлорпикрин и сначала производилась проверка на исправность личных противогазов. Кстати, у нас в училище на вооружении были противогазы американского производства, отличающиеся от наших только более добротной сумкой. После проверки правильности подгонки и исправности своего противогаза приступали ко второму этапу – отработке навыков устранения повреждений противогаза в условиях заражения. В ходе теоретических занятий рассматривались неисправности, которые могут произойти в боевой обстановке – порыв шлем-маски, повреждение стёкол, клапанов, порыв гофрированной трубки, разгерметизация фильтрующей коробки и т. д. После такой «наземной» подготовки каждому курсанту выдавался неисправный противогаз, выявить заранее дефект в выданном противогазе возможности не было никакой, так как всё происходило очень быстро и при надетом своём противогазе, в котором и спускались в землянку. После размещения отделения курсантов в землянке у одной из дверей как скала стоял помощник преподавателя, а вторую дверь сам подполковник Батрак закрывал на большой крюк. Все замирали в ожидании. После распыления ОВ давалась команда снять свои противогазы и одеть неисправные. И вот здесь те, кто твёрдо не усвоил порядок устранения неисправностей, а хлорпикрин уже начал лезть в глаза и в лёгкие, бросались к спасительной двери с крючком, но там получали от руководителя занятий такое «физическое указание», что моментально оказывались в центре землянки и судорожно, с закрытыми глазами одевали свой родной исправный противогаз. Не обходилось и без рвоты, и без долгого отдыха на свежем воздухе. Но абсолютное большинство курсантов справлялось с отысканием неисправностей и заменой повреждённых элементов за счёт своего заведомо исправного противогаза. Разборка двух противогазов и сборка из двух одного, пригодного для выживания, с закрытыми глазами и задержанным дыханием, конечно же, требовала очень быстрых и точных действий. При хорошем знании теории и натренированности (этим мы занимались много) количество «принятого» в организм ОВ было относительно щадящим и никаких отрицательных последствий не вызывало. Так что мы учились военному делу «настоящим образом», а для овладения «наукой выживать» нужны иногда и жёсткие меры к обучаемым с целью получения ими необходимых навыков.

Не менее колоритными, но уже в плане спокойствия, доброты и благожелательности были преподаватели тактики и топографии. Больше запомнился преподаватель тактики подполковник Железняк, не расстававшийся с зажжённой папиросой даже во время занятия, своими рассказами о «военных приключениях», обучавший нас сначала теоретически в классе, а затем и в поле отрабатывать практически навыки самосохранения и в обороне, и в атаке при действиях в составе взвода и роты. Умению окопаться под огнём противника отводилось достаточно времени, чтобы понять, как нужно потеть, много потеть, чтобы остаться целым и невредимым. Поэтому в качестве напоминания о важности солдатского труда для собственного же блага иногда вполне откровенно на заднее место курсанта легонько становился сапог препода-

вателя, напоминающего таким образом о ценности не только головы, но и других частей тела, возвышающихся над землёй, а потому и незащищённых.

Занятия по топографии и тактике проводились часто на незнакомой для нас местности, и мы убеждались в том, что иметь при себе карту и компас явно мало для того, чтобы без посторонней помощи понять, где находишься. Это сейчас, когда работают всевозможные навигационные системы, своеобразные «поводыри», наша неуверенность в определении своего местоположения кажется, по крайней мере, несколько надуманной. Но в наше время была очень справедлива прибаутка «раз военные развернули карту, значит, будут спрашивать дорогу». Поэтому в нашем обучении очень много внимания уделялось умению анализировать особенности ландшафта, дорожной сети, характера построек, линий связи и электропередач, а в ночное время и карты звёздного неба, чтобы безошибочно сориентироваться на местности. Хождение по азимуту было одной из практических тем отработки умения находить «дорогу к дому». Занятия проводились в ночное время, взвод вывозился далеко от лагеря, в лес, разбивался на группы по три, четыре человека. Каждой группе вручалось задание с указанием шести-семи контрольных точек с примерным расстоянием между ними, где нужно было изменить направление движения в соответствии с указанным азимутом. Экипировка в этих походах была практически полной – шинель в скатку, противогаз, вещмешок, личное оружие. Так как идти нужно было километров пять или шесть по лесу, хотя, как правило, по просекам, но заросшим и заболоченным, то где-нибудь в середине пути останавливались у контрольной точки, а это были чаще всего квартальные столбы, перекусить приобретёнными накануне припасами. После чего с восстановленными силами опять вперёд, сверяя правильность направления по компасу и полярной звезде, отбиваясь от хлеставших по лицу веток и уже не обращая внимания на хлюпающую в сапогах воду. Зато как приятно было увидеть наконец-то показавшийся через чащу кустов огонёк, свидетельствующий о конечной точке маршрута, нашем тактическом лагере. После обязательной по приходу проверки моментально укладывались в палатках и засыпали крепким сном. Но однажды наш сон был прерван какими-то сильными взрывами прямо у палаток. Выскочили наружу, чертыхаясь из-за плохо намотанных в темноте портянок, спотыкаясь на свои же карабины и прочую амуницию. Взрывпакеты продолжали ещё «бабахать», а уже команда «становись». Оказалось, что одна из вернувшихся вслед за нами групп, только в лагере обнаружила, что одного-то карабина нет, потеряли. После короткой разборки выяснилось, что карабин оставили у квартального столба, где отдохали и перекусывали. Все вновь получили задачу пройти не только по маршруту проштрафившейся группы, но и по параллельным просекам. Были установлены сигналы, подаваемые с помощью ракет и опять «вперёд». Начало уже светать, мы были и уставшие и промокшие, но побежали довольно быстро. Боевое оружие надо было отыскать. И только когда солнышко уже начало пригревать по сигналу ракеты вернулись в лагерь. Можно было праздновать победу – карабин нашёлся. Оказывается, по той просеке очень ранним утром проезжал лесник, который и увидел прислонённый к квартальному столбу карабин. Зная цену оружия, лесник моментально упрятал карабин под сено на своей телеге. Хорошо, что бегущая по маршруту группа догадалась остановить телегу и поговорить с лесником, который оказался порядочным мужиком и вернул находку. К счастью, серьёзных наказаний избежали и «исполнители ЧП» и руководители. Но так было не всегда.

В одно из вечерних занятий по тактике отрабатывались учебные задачи по захвату высоты, которую оборонял один взвод, силами второго взвода курсантов. Траншеи были открыты по опушке леса на небольшом холме, хорошо оборудованы ячейками для стрелков, пулемётными гнёздами и другими элементами. Всем участникам учений выдавались холостые патроны, а части из них – взрывпакеты для имитации гранат. Так как всякая разумная инициатива по ведению обороны и проведению атаки всячески поощрялась, то получались иногда захватывающие «баталии» и, по рассказам преподавателей, с весьма поучительными уроками. Но вот что бывает, когда кто-то не выполняет требований по правилам обращения с оружием,

нарушает категорические указания преподавателей по соблюдению мер безопасности. Один из «наступающих» (время стёрло из памяти фамилии участников) курсантов под крики «ура» вскочил уже на бруствер окопа, а «обороняющийся», не задумавшись, выстрелил из карабина практически в упор и надо же было так случиться, что газовая струя пробила у «наступающего» не только одежду, но и серьёзно повредила паховую артерию. Несмотря на принятые меры, курсанта не успели даже довести до лазарета училища, умер по дороге из-за большой потери крови. Кто виноват? Очень серьёзно были наказаны преподаватели, в том числе и упомянутые мной, командиры всех степеней, не «вдолбившие» подчинённым, что категорически нельзя в целях безопасности без особой нужды направлять в сторону человека даже незаряженное оружие.

И ещё один пример об опасности оружия, а точнее о том, что с оружием шутки плохи. Примерно, в конце февраля 1955 года (я был только на первом курсе) в училище прошла трагическая процессия с участием курсантов младших курсов по проводам в мир иной курсанта 2-го курса Галайды (до сих пор помню эту фамилию, так как это была первая в моей армейской жизни очень нелепая смерть товарища). Убийство произошло в карауле ясным днём при смене часовых, когда разводящий, младший сержант, друг Галайды, шутя, вроде бы, попросил его быстрее снимать тулуп, чтобы не опоздать на обед. При этом как бы в шутку сказал, что иначе застрелю, передёрнул затвор своего карабина СКС, направленного на часового, и нажал на спусковой крючок. Пуля пробила живот и курсанту не успели даже оказать никакой медицинской помощи, она ему уже не понадобилась. По рассказам очевидцев всё происходило при вполне благожелательном отношении друг к другу всех участников этой трагедии и, конечно, никто не задумался о допусках нарушениях правил обращения с оружием и порядка смены часовых, определяемого уставом гарнизонной и караульной службы.

Следует подчеркнуть, что армейская служба ввиду её специфичности – быть при оружии – имеет, таким образом, дополнительные риски пострадать от этого оружия и потому требует повышенной ответственности, собранности и необходимости расходования дополнительной энергии на соблюдение мер безопасности, особенно в экстремальных ситуациях, в том числе и при несении службы в карауле. За мою долгую службу в войсках накопилось много других примеров трагических последствий при использовании оружия, в том числе и на почве неприязненных отношений. Примером может служить трагедия, случившаяся в 1984 году в Кубинском гарнизоне, когда один часовой со своего поста попал прямо в лоб другому часовому на другом посту – сошлись на минимально возможное расстояние узбек и таджик.

О технических дисциплинах и радиолокационных средствах

Куда более желанней было заниматься по своей непосредственной специальности, где преподаватели были не менее эрудированными, но «менее военными» и приятными в общении. Может быть, это есть моё субъективное мнение о преподавателях, связанное с тем, что учился я легко, непринуждённо и кроме похвал в свой адрес ничего больше не слышал.

Электротехнику у нас вёл старший инженер-лейтенант Войницкий, недавний выпускник института, призванный на службу. Был он явно невоенный человек, в обвислом как «на колу» кителе, с потёртым портфелем, сгибавшийся при ходьбе и при чтении лекции, но объяснял материал доходчиво, понятно и с улыбкой на лице.

Радиотехнику преподавал уже настоящий военный и по внешнему виду, и по своей аккуратности и, я бы сказал, педантичности, и по знанию предмета, и по благожелательной требовательности инженер-подполковник Билуба.

Запомнился и преподаватель автомобильной подготовки, он же начальник этого цикла – полковник Альперович, но более ярким рассказчиком был начальник автомобильной службы училища подполковник Гудыма, прошедший всю войну и награждённый многими боевыми орденами.

Материальную часть РЛС сантиметрового диапазона мы изучали под руководством инженер-подполковника Лазаря Заумановича Зильбермана, прозванного нами «Люсиком» за малый рост и какую-то детскость в поведении, хотя улыбался он очень мало и создавалось впечатление, что хотя мы и находимся рядом в одной аудитории, но совершенно далеко друг от друга из-за его взгляда, проходящего как бы мимо нас, курсантов.

Изучение материальной части РЛС начиналось со станций метрового диапазона П3а, П8, П10. К описываемому времени П3а уже была снята с вооружения и упоминалась лишь в качестве примера существовавшей конструкции, ведущей свою родословную от первых наших РЛС типа «Редут» и «Рус-2». РЛС П8 импульсная, без каких-либо средств помехозащиты, была по теперешним понятиям очень проста в конструктивном исполнении. Вся приёмо-передающая и индикаторная аппаратура умещалась в одной универсальной кабине типа КУНГ. Антенна директорного типа на полуволновых вибраторах монтировалась отдельно на специальной опоре высотой около 6 метров, на которой размещался механизм вращения и элементы следящей системы (сельсин-датчик). Вся аппаратура собиралась на лампах, полупроводников не было и в помине. Для обнаружения цели и определения дальности до неё использовался обычный амплитудный индикатор на электронно-лучевой трубке с электростатическим отклонением луча. Определение азимута цели производилось по показаниям следящей системы (сельсин-приёмник) за положением антенны в момент появления отметки от цели на индикаторе дальности. Измерение угла места цели производилось с помощью гониометра при проходе цели, что было крайне неудобным и требовало соответствующей сноровки и натренированности. Точность измерения координат цели была при этом весьма посредственной. Чтобы подчеркнуть примитивность конструкции станции, приведу ещё один пример. Передатчик РЛС был смонтирован за стеклянной перегородкой под индикатором обнаружения примерно в сантиметрах 40—50 от промежности оператора, сидящего за индикатором, что, конечно же, приводило к воздействию СВЧ-излучения на организм оператора. Но о вредности высокочастотных излучений тогда особенно не задумывались, а потому мер по защите ни в конструкции аппаратуры, ни в инструкциях по эксплуатации не предусматривалось.

Вот с такого уровня состояния радиолокационной техники начиналась моя служба.

РЛС П10 того же метрового диапазона была уже более совершенной. Хотя антенная система принципиально осталась идентичной П8, но монтировалась на другой, более прочной

опоре, высота которой для более надёжного обнаружения низколетящих целей могла увеличиваться до 30 метров. В РЛС П10 уже был индикатор кругового обзора (ИКО), что позволяло наблюдать обстановку вокруг станции в радиусе её действия и считывать информацию о дальности и азимуте нескольких целей одновременно. Измерение же угла места, а следовательно и высоты полёта цели, оставалось такой же проблемой, решённой в станциях метрового диапазона лишь с появлением специальных радиолокационных высотомеров типа ПРВ10, ПРВ11 и др.

Дальность обнаружения воздушных летательных аппаратов в зависимости от высоты их полёта и величины эффективной отражающей поверхности не превышала для указанных РЛС 150—180 км.

РЛС сантиметрового диапазона выгодно отличались от РЛС метрового диапазона более высокой точностью измерения координат, лучшей разрешающей способностью и большей дальностью обнаружения. В училище они были представлены станциями П20, П30, а позже – их модификациями П25 (П35). РЛС П20 была практически копией американской РЛС типа SCR, работала на длинах волн порядка 10 см, в своём составе имела пять передатчиков, генерирующих импульсный сигнал мощностью по 1Мвт каждый, излучаемый в пространство общей антенной, выполненной в форме усечённого параболоида вращения. Вся приёмо-передающая аппаратура монтировалась в отдельной кабине (ППК), на которой устанавливались и антенны. Вся эта довольно громоздкая конструкция вращалась со скоростью 3 (6) оборотов в минуту. Уже в то время для увеличения дальности обнаружения целей в приёмники РЛС стали внедряться усилители высокой частоты (УВЧ) на лампах бегущей волны, что значительно повышало их чувствительность (до 71 дБ). Настройку этих УВЧ я осваивал на стажировке на третьем курсе. Это была довольно сложная процедура, требующая и внимательности, и аккуратности, и терпения и, конечно же, физических сил. Хорошо помню, как после первого опыта по настройке вылезал из ППК на дрожащих ногах; так велика была усталость, провоцируемая не только многочасовой щепетильной работой по настройке УВЧ, но и тем, что эта работа проводилась при работающих пяти передатчиках (суммарная мощность в импульсе составляет 5 МВт), издающим пронзительный звук преобразователем частоты, а часть времени и при вращении кабины, что, конечно же, укачивало. В качестве меры безопасности инструкцией предусматривалось лишь после завершения настройки в обязательном порядке покинуть кабину.

РЛС П30 была уже полностью отечественной разработки и производства и отличалась от П20, я бы сказал, элегантностью внешнего оформления конструкции и эргономичностью исполнения органов управления и индикации, производила более благоприятное впечатление при её эксплуатации. Конечно, будучи построенной на тех же принципах, практически с той же мощностью передающих и чувствительностью приёмных устройств, технические характеристики обеих РЛС значительно совпадали, а недостатки были те же. Проблема измерения высоты полёта цели была несколько позже решена изменением конструкции антенной системы, когда наряду с горизонтальной антенной, формирующей широкую диаграмму направленности в вертикальной плоскости, была установлена точно такая же антенна, но под углом в 45° , что позволило создать суммарную V-образную диаграмму направленности. Разница по времени облучения цели вертикальной и наклонной диаграммами и позволила теперь производить определение высоты полёта цели. Так и появились РЛС П25 и П35.

Так как РЛС сантиметрового диапазона подвержены сильному воздействию на качество обнаружения (прежде всего, дальности) гидрометеоров – грозовых туч, плотного дождя, снега и т.п., то в дальнейшем на РЛС П35 стал дополнительно устанавливаться дециметровый канал для обеспечения более надёжного обнаружения цели в различных метеоусловиях. Для обеспечения работы в условиях применения противником пассивных помех на станциях начала внедряться аппаратура селекции движущихся целей (СДЦ), основанная на применении эффекта

Доплера-Белопольского. Эта аппаратура успешно работает и по гидрометеорам. Что касается защиты от активных помех, то решения этой проблемы, несмотря на довольно впечатляющие успехи, нет и до сих пор, да, по-видимому, и быть не может из-за многообразия видов, характера, способов применения и комбинирования помех и средств их генерирования и доставки.

Одной из проблем организации противовоздушной обороны стало определение принадлежности летательных аппаратов по критерию «свой-чужой». В войсках появились сопрягаемые с РЛС наземные радиозапросчики (НРЗ), а на летательных аппаратах (самолёты, вертолёты) соответствующая ответная аппаратура. Запросные и ответные сигналы кодировались, коды менялись в установленное утверждённым графиком время одновременно в радиотехнических и авиационных частях ежедневно, а в особый период и чаще. Отметка на индикаторе от обнаруженной цели стала сопровождаться и отметкой о распознавании принадлежности летательного аппарата. В случае отсутствия такой отметки оператор обязан был немедленно докладывать: «цель на запрос не отвечает», что равносильно признанию обнаруженной цели нарушителем со всеми вытекающими отсюда действиями для пресечения нарушения. Конечно, надо признать, что система работает только при ответственном отношении операторов во всех звеньях управления и принятия решений. Всякая расхлябанность и безразличие при несении службы приводят к появлению даже у кремлёвских стен залётных «шутников». Большого позора для страны трудно придумать.

И ещё раз о тернистом пути познания степени влияния новых технических устройств на здоровье обслуживающего персонала. Приведу пример. В одном из помещений учебного корпуса для проведения в составе взвода практических занятий по изучению устройств и отработке навыков по их настройке и ремонту были установлены основные устройства РЛС П20 – пульты управления, индикаторы обнаружения, один комплект приёмо-передатчика со всем обеспечивающим энергетическим оборудованием. В качестве антенны для передатчика использовался специальным образом разрезанный и развёрнутый в форме цветка штатный волновод, что обеспечивало достаточно хорошее согласование на излучение. А это излучение шло на всех обучаемых, находящихся в аудитории, да и дальше в другие помещения. На одном из таких занятий впервые в жизни мы убедились в материальности электромагнитного излучения сверхвысокой частоты и, причём, чисто случайно. При изучении конструкции передатчика очень часто непроизвольно прикасались к постоянным магнитам магнетронного генератора, что приводило к остановке наручных часов. Для размагничивания часов кто-то предложил их подвесить за ремешок на лепесток антенны. Подвесили и... забыли. Когда по аудитории распространился запах чего-то горелого, включили свет для отыскания источника возгорания. Над размагничивающимися часами заметили лёгкий дымок – ремешок уже «доживал» последние мгновения, практически истлел. Но самое интересное заключалось в том, что такое явное воздействие СВЧ излучения ни у кого не вызвало никаких отрицательных эмоций, даже у очень грамотного «Люсика».

К сожалению, пренебрежение мерами безопасности из-за неизученности самого явления и отсутствия потому каких-либо норм и правил, продолжалось ещё долгое время, практически до конца пятидесятых годов. Примеры в подтверждение надеюсь привести.

Вне всякого сомнения, оценка степени влияния высокочастотных излучений на живые организмы сложна сама по себе из-за отсутствия не только критериев, но и разноплановости воздействия многообразных технических устройств, недостаточного познания биологической природы организма, его поведения в долгосрочной перспективе при воздействии излучений различной частоты. Есть ещё и другие проблемы.

Октябрь 1956 года, третий курс. Перекур (многие из нас тогда курили) во время рытья траншеи для телефонного кабеля в одном из районов Гомеля. Крайний слева это я, далее слева направо: И. Шукан, В. Алексашин, Б. Самойлов, В. Авдеев

А это очередная «проба лопаты», но уже на территории училища. Я в центре снимка. Готовим для модернизации спортивные сооружения на стадионе. Мы третьекурсники, но это не освобождало нас от хозяйственных работ. Всё может пригодиться в дальнейшей службе – так мы считали, а потому, не зная глубоко положения в войсках, особенно и не задумывались о реальных масштабах отрыва личного состава на работы, не связанные с несением службы

Я не могу пожаловаться, что значительную часть учебного времени мы осваивали лишь приёмы работы сапёрной лопатой. Нет, конечно. Основное время, несомненно, отводилось теоретическому изучению и практическому освоению военных дисциплин, тому, что необходимо для успешного применения радиолокационной техники в реальных условиях боевой обстановки. Но сам по себе факт отрыва на хозяйственные работы, причём, иногда даже не в интересах училища, а по просьбе или по указанию партийных руководителей, вызывал у нас, курсантов, некоторые вопросы о целесообразности привлечения нас для выполнения неквалифицированных работ. Выполнение необходимого объёма земляных работ при оборудовании боевой позиции не вызывало никаких возражений – эту работу должны делать войска и никто другой. Это наша профессия, это наша работа. Но тогда мы были молоды и не представляли себе, с какой прозой жизни придётся столкнуться в боевых частях, когда войска сплошь и рядом привлекались для строительных (так называемым хозяйственным способом) и всяких

других работ в ущерб боевой готовности и боеспособности, в ущерб даже здоровью офицеров и солдат.

Первая стажировка в войсках

Минимальные навыки по развёртыванию РЛС на боевой позиции, монтажу антенных систем, энергообеспечению, настройке аппаратуры и подготовке станции к боевому применению приобретались на учебно-материальной базе училища, развёрнутой как в учебных корпусах, так и в штатной комплектации РЛС на территории училища и на учебном полигоне за пределами училища. Однако весь комплекс вопросов организации эксплуатации техники и подготовки её, начиная от правильного выбора позиции для развёртывания и, конечно же, ведение самой боевой работы мог быть осмыслен только в реальных боевых подразделениях. Вопросы подготовки курсантов как офицеров – будущих командиров, приобретение и закрепление ими навыков воспитательной работы также могли быть отработаны только в войсках.

Программой подготовки предусматривались две стажировки продолжительностью по одному месяцу – в конце второго курса и на третьем курсе. Событие это было не из рядовых и к нему готовилось и училище и мы, курсанты. На время стажировки курсанты практически предоставлялись сами себе, постоянный училищный контроль становился невозможным – в войсковые части выезжали группами по 2—4 человека. От того, насколько они благополучно и успешно выполняют программу стажировки, зависело и то, какой офицерский облик они приобретут, насколько повысится уровень их профессиональной подготовки как специалистов-эксплуатационников аппаратуры и как командиров и воспитателей.

При определении места первой стажировки учитывались и пожелания курсантов «попасть поближе к «родному дому», так как сразу после стажировки, не заезжая в училище, курсанты отправлялись в отпуск. Так я и выбрал Брянский радиотехнический полк, штаб которого сначала находился на улице Красноармейской, а затем при моём участии в качестве грузчика переехал в Бежицу.

Наш взвод перед посадкой в поезд для убытия на стажировку. Я в центре снимка. Нам была позволена некоторая вольность – переносить шинели не «в скатку». Сейчас надевать их нужды не было – стоял август, а вот возвращаться в училище придётся уже в сентябре. А в остальном экипировка чисто походная, только без оружия

Конкретным местом моей стажировки был определён радиотехнический пост, развёрнутый в самом конце улицы Красноармейской, метрах в восьмистах от штаба полка, и радиолокационная рота обеспечения полётов истребительной авиации Брянского корпуса ПВО, развёрнутая в черте аэродрома (на окраине Брянска в сторону Бежицы). К описываемому времени городское строительство очень близко подошло к посту, что серьёзно усложнило не только ведение боевой работы, но и породило массу проблем во взаимоотношениях с местным населением. Поэтому уже подготавливалась передислокация поста.

Пост был укомплектован двумя РЛС метрового диапазона, одним радиовысотометром и всеми полагающимися средствами связи и управления. Станции включались только по приказанию с КП полка и постоянного дежурства во включённом состоянии не несли. Замечу, что к тому времени на всей Европейской территории СССР, значительной части территории Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья было сформировано сплошное радиолокационное поле, а в некоторых особо важных районах – со значительным перекрытием. Для сохранения такого поля, увеличения его перекрытия в случае необходимости, замены вышедших из строя РЛС и по другим причинам были разработаны соответствующие графики дежурств и методики управления радиолокационными средствами на всей территории страны.

Размещение «нашего» поста было типичным для всех радиолокационных подразделений – часть аппаратуры и оборудования, командно-технический пункт, личный состав размещались в «финских» сборно-щитовых домиках. Территория поста была обнесена довольно уже обветшавшим проволочным забором, но с часовым, вооружённым автоматом ППШ с двумя снаряжёнными магазинами, на импровизированном КПП со стороны города.

Постом командовал лейтенант Шевченко, прошлогодний выпускник нашего училища, единственный офицер в подразделении, маленький, щупленький, с тихим голосом, совершенно не производивший впечатления «грозного» командира, но, тем не менее, державший в твёрдых руках все бразды управления и боевой работой и коллективом солдат и сержантов (около 30 человек). Он же при нашей первой встрече и поведал о разыгравшейся в мае этого года трагедии. Часть солдат, находясь на майские праздники в увольнении, на танцах поссорилась с военными строителями, которые в качестве аргументов своего превосходства применили их «законное» оружие – куски арматуры. «Боевые» солдаты вынуждены были спасаться бегством, а добежав до поста криками «наших бьют» подняли на ноги всех оставшихся в домиках солдат. Хорошо ещё, что часовой по какому-то наитию не стал самостоятельно применять оружие и отступил вместе с прибежавшими. Но сержанты были очень решительными, а так как автоматы и патроны к ним хранились тут же в спальнях помещений, то по команде «к бою» из всех окон уже торчали стволы автоматов. Цинки с патронами были быстро вскрыты, началась стрельба сначала одиночными, а потом, по мере снаряжения магазинов – очередями. Один из оставшихся служить на посту сержантов потом мне красочно описывал, как он с тремя своими подчинёнными залез на чердак, имея полные карманы патронов в пачках и вынужден был оттуда вести стрельбу по заполонившим весь пост пьяным строителям, разбивающим арматурой окна и пытающимся влезть в домики. И только грохот стрельбы образумил обезумевших от водки нападающих и они начали ретироваться. Но теперь в наступление пошли уже «наши» и погнались строителей в город, ведя на ходу стрельбу вдоль улиц поверх голов убегающих, повергая в смятение и на землю редких ночных прохожих. К счастью, убитых не было, а раны не считали.

Естественно, что такие события добром не кончаются и уже на следующий день всё командование поста (начальник поста и два начальника станций) от должностей было отстранено и отправлено для продолжения службы в места очень отдалённые. Большая часть сержантов и солдат также была заменена. Был отправлен к другому месту службы и исполнявший обязанности начальника штаба младший лейтенант по фамилии Капитан, вызывавший у звонивших на пост, особенно начальников, не знавших о таком уникале на ответ «младший лейтенант Капитан слушает» не только раздражение, но и взрыв негодования – как можно допускать такие шутки по служебной связи? И только вызов к телефону начальника поста восстанавливал расположение духа звонившего начальника. Вот в таких сложившихся обстоятельствах лейтенант Шевченко и был назначен исполняющим обязанности начальника радиолокационного поста. Поддерживать в этом маленьком гарнизоне, находящемся практически с двух сторон рядом с городом и его соблазнами, уставной порядок было очень сложно, а находящиеся в двухстах метрах молодёжное общежитие с преимущественно женским населением добав-

ляло и дополнительные заботы. Как рассказал Шевченко, проверяя ночью несение службы часовым, наткнулся на прислонённый к стене заряженный автомат, а самого часового обнаружил за углом домика в жарких объятиях любвеобильной девицы. Более красочно и подробно о случаях даже группового удовлетворения потребностей похотливых обитателей общежития рассказывал упоминавшийся мной сержант. Так что было много поводов задуматься о всяких превратностях предстоящей службы в войсках.

Трудностей в познании особенностей размещения РЛС на боевой позиции радиотехнического поста, организации и ведения боевой работы, руководящих документов по организации службы, обучению и воспитанию личного состава у меня не было, и я довольно быстро и качественно выполнил задание на стажировку. Пользуясь предоставленной возможностью, изучил боевую работу радиолокационной роты обеспечения полётов непосредственно на аэродроме. Рота от поста отличалась дополнительными РЛС в своём составе, в том числе здесь имела и РЛС П20. Конечно, боевой порядок и режимы работы станций, организация информационных каналов, схема подчинённости и др. здесь отличались от виденного ранее. Но как на посту, так и здесь, в роте, передача информации с экранов РЛС к потребителям имела ряд промежуточных этапов, заведомо ухудшающих качество и увеличивающих её запаздывание. Такими инерционными звеньями являлись планшеты на всех командных и командно-технических пунктах, на которых оператором с обратной стороны прозрачного планшета, проградуированного по дальности и азимуту относительно точки стояния РЛС, стеклоглафом рисовалась траектория полёта цели по данным, получаемым по телефонной линии от оператора, сидящего за экраном обнаружения. На вышестоящий КП (батальон, полк, бригада) информация передавалась с этого же планшета, но уже в координатах кодированной прямоугольной сетки, принятой в войсках ПВО. Разметка квадратов также была нанесена на планшет. В сети передачи информации на вышестоящий КП появлялись ещё два инерционных звена – оператор, ведущий по установленной форме журнал передаваемых в закодированном виде данных и телефонист, а чаще всего радиотелеграфист, передающий эти данные. Об автоматической или хотя бы автоматизированной передаче данных только мечтали.

Здесь на аэродроме представилась возможность познакомиться с конкретными образцами авиационной техники. Полки Брянского корпуса ПВО на то время располагали истребителями МиГ-15 и МиГ-17 с пулёмётно-пушечным вооружением. Мне разрешили усесться в кабину МиГ-15 и первое впечатление было связано с ограниченностью пространства и жёсткостью кресла пилота (оказалось, что пилот садится на собственный парашют, для которого и предусмотрена соответствующая выемка в кресле). И второе, что поразило меня значительно сильнее – это очень большое число переключателей, тумблеров, измерительных приборов и индикаторов, расположенных и слева, и спереди, и справа от пилота и на рукоятке управления для применения оружия и, конечно же, красная кнопка для катапультирования, да ещё и педали управления. К слову, на РЛС имеется тоже большое число органов управления и контроля, но такой концентрации в ограниченном пространстве, как в кабине самолёта, конечно же, нет. Техник самолёта довольно подробно рассказал о назначении большинства органов управления и контроля, и именно тогда у меня сложилось твёрдое убеждение в специфичности организации подготовки пилотов и операторов, связанной с необходимостью быстрого принятия правильного решения и исключению неверного пользования органами управления, что требует автоматизма и стереотипов в действиях. Ведь за этим стоит не только сохранение жизни пилота, но иногда и значительно большие потери. Уже значительно позже, на этапе моей служебной и инженерной зрелости, пришлось на самом высоком уровне отстаивать недопустимость отличий разного рода тренажёров от конкретного исполнения аппаратуры и оборудования. Но об этом позже.

Немного о любви и дружбе

Эта стажировка у меня была примечательна ещё и тем, что была возможность встретиться с братом Шуркой, который приезжал ко мне и, главное, встречаться с любимой девушкой. Таня к этому времени уже закончила один курс Брянского медицинского училища, куда она поступила по моему настоянию в 1955 году. Со времени нашего знакомства прошло уже два года и эти годы были у нас заполнены и постоянной перепиской и ожиданием встреч, и неизбежными после встреч разлуками, и даже некоторыми неприятными воспоминаниями. В свой отпуск после первого курса я приехал в конце августа, а мой дружок Вася Копылов на месяц раньше. И он, не задумываясь о серьёзности наших с Таней отношений, решил «приударить» за ней, обещая «золотые горы», совершенно игнорируя мои интересы и меня как друга. О своих «похождениях» он, как ни в чём не бывало, повествовал мне в своём письме. Меня это здорово задело, особенно после встречи с Татьяной, которая и поведала о домогательствах моего «лучшего» друга. По возвращении в училище отправил ему очень резкое письмо с назиданием о непростительности «лезть со своим свиным рылом в чужой огород» (буквально) и с этим письмом прекратил всякую переписку с ним. И только через несколько лет, когда по времени совпали наши отпуска, он пытался коньяком «КВ» смыть эти воспоминания; мы с Таней приняли его покаяние, но прежних доверительных и дружеских отношений уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.